

PHILOLOGY OF THE EAST
Literature of the peoples of the world
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Литература народов мира

Научная статья

УДК 821.21/.22.0(=214.22,=222.1)«18»+28

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-669-691>

Филологические науки

«Силки разума» и смыслы газели Галиба: попытка филологического перевода. Часть 1: Газели 1–8.
Текст, перевод, комментарии

Людмила Александровна Васильева^{1, a},
Наталья Ильинична Пригарина^{1, b}

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

^a ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>

^b prigarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>

Аннотация. В статье освещаются этапы подготовки к юбилею индийского поэта Мирзы Асадулла-хана Галиба (1797–1869), и роль в ней директора Института востоковедения Академии наук СССР, академика Бабаджана Гафуровича Гафурова (1956–1977). К 100-летнему юбилею со дня смерти поэта в 1969 г. был подготовлен сборник переводов «Мирза Галиб. Избранное»; в него вошел почти полный художественный прозаический перевод газелей Галиба с языка урду, сделанный Н. В. Глебовым, и переводы с персидского Г. Ю. Алиева и Н. И. Пригариной. В данной статье авторы обратились к филологическому переводу газелей урду Мирзы Галиба после того, как были перепробованы такие виды переводов, как поэтический, прозаический и подстрочный, и каждый из них оставлял нерешенные вопросы. Выбор филологического перевода представляется авторам давно назревшим, он позволяет не только приблизить русского читателя к лексическому составу стихотворения и ходам поэтической мысли Галиба, но иногда и включить читателя в процедуру распутывания порой весьма необычных поэтических замыслов Галиба, чтобы понять стоящий за ними художественный образ, словом, увидеть газель Галиба как она есть. Давно сложилась формула: «перевод стихов невозможен», тем не менее русская культура не останавливается перед попытками последовательных приближений к оригиналу, и практика переводческой школы убеждает в закономерности этих попыток. Филологический перевод не рассчитывает на непосредственное восприятие поэтичности стихов. Он, прежде всего, отвечает за воссоздание логической и грамматической связи между словами, и основной упор в нем делается на комментарий. Каждому переводу предписан текст в транслитерации.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike»
«Атрибуция-СохранениеУсловий» 4.0 Всемирная.

Ключевые слова: Мирза Галиб (1797–1869), газель, шे'р, матла', макта', «индийский стиль», поэтическая тема (мазмун), мотив, «Диван Галиба», «Диван 'Арши» (изд. 'Арши)

Для цитирования: Васильева Л. А., Пригарина Н. И. «Силки разума» и смыслы газели Галиба: попытка филологического перевода. Часть 1: Газели 1–8. Текст. Перевод. Комментарии. *Ориенталистика*. 2024;7(3):669–691. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-669-691>.

Original article

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-669-691>

Philology studies

"Snares of Reason" and the Meanings of Ghalib's Ghazal: An Attempt at Philological Translation. Part 1: Ghazals 1–8. Text, translation, comments

Luydmila A. Vasilyeva^{1, a}, Natalia I. Prigarina^{1, b}

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

^a ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>

^b prigarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>

Abstract. The article highlights the stages of preparation for the anniversary of the Indian poet Mirza Asadullah Khan Ghalib (1797–1869), in which Babajan Gafurovich Gafurov (1956–1977) the then director of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, played an important role. In connection with the preparations for the anniversary in 1969, was prepared a collection of translations under the title "Mirza Ghalib. Selected Works". This volume included almost complete prose translations of Ghalib's ghazals from Urdu by N. V. Glebov, as well as translations from Persian by G. Yu. Aliev and N. I. Prigarina. In this article, the authors resorted to the philological translation of Ghalib's Urdu ghazals after trying various types of translations, such as poetic, prose, and interlinear, each leaving unresolved problems. The authors feel that philological translation is long overdue. This method not only brings the Russian reader closer to the lexical composition of the poem and Ghalib's poetic thought but also involves the reader in the process of unraveling Ghalib's often quite unusual poetic ideas. Moreover, it enables better understanding of the artistic image behind the poet's thoughts, as well as allows the reader to see each ghazal by Ghalib in its entirety. Contrary to the belief that "translation of poetry is impossible", Russian culture pursues the method of successive approximations to the original, and a long-standing translation practice is a convincing evidence that such attempts are not in vain. Philological translation does not rely on the immediate perception of the poetry's artistic quality. It mainly ensures the recreation of logical and grammatical connections between words, with a focus on commentary. Each translation is preceded by a text in transliteration.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Keywords: Mirza Ghalib (1797–1869), ghazal, she'r, matla', maqta', "the Indian style", poetic theme (mazmūn), motif, "Divan of Ghalib", "Divan of 'Arshi" ('Arshi Edition)

For citation: Vasilyeva L. A., Prigarina N. I. "Snares of Reason" and the Meanings of Ghalib's Ghazal: An Attempt at Philological Translation. Part 1: Ghazals 1–8. Text, translation, comments. *Orientalistica*. 2024;7(3):669–691. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-669-691> (in Russian).

Немного истории

Институт востоковедения АН СССР, 1956–1986

В 1956 г. директором Института востоковедения Академии наук СССР стал доктор исторических наук Бабаджан Гафурович Гафуров (1908–1977). Время его прихода в Институт совпало с оживлением советско-индийских отношений, и Б. Г. Гафуров был одним из тех ученых и общественных деятелей СССР, который встретил в Индии исключительно теплый прием на самом высшем уровне. Он несколько раз был с визитом в Индии. Для иранистов и индологов, сотрудников Института востоковедения, визиты директора Б. Г. Гафурова в Индию оказались особенно плодотворными. Здесь мы скажем только, что после того, как Бабаджан Гафурович, побывав в Индии, оказался свидетелем всенародной любви к поэзии Галиба, изучение его творчества стало одним из приоритетов в работе института.

Мирза Ноуша Асадулла-хан Галиб (1797–1869) получил славу великого поэта Индии и Пакистана, прежде всего, как поэт урду благодаря невероятной популярности своего «Дивана», еще при жизни поэта публиковавшегося пять раз¹. Но Галиб был также автором большого Куллиййата (Собрания произведений) и ряда других сочинений на персидском языке. Б. Г. Гафуров мог свободно читать на этом языке и отдавал должное этой поэзии в подлиннике.

В 1969 г. исполнялось 100 лет со дня смерти Галиба, и Индия и Пакистан активно готовились к празднованию юбилея. Появилось множество изданий произведений Галиба, которые до этого были уже практически недоступны.

Не хотели оставаться в стороне от юбилея великого поэта и отечественные востоковеды. В подготовке к столетнему юбилею Галиба в Институте было запланировано издание сборника статей, редколлегию которого возглавил Б. Г. Гафуров, а Издательством художественной литературы готовился к выпуску сборник лирики Галиба. Так практически началась работа по переводу поэзии Галиба на русский язык². Сборник «Мирза Галиб. Лирика» вышел в Москве в юбилейном году [Галиб, 1969]. Предисловие к нему было написано Б. Г. Гафуровым. Сборник представлял собой поэтический перевод с урду, выполненный известной поэтессой-переводчицей Ниной Потаповой по подстрочному переводу Людмилы Васильевой, только что вернувшейся со стажировки в Индии, где в ее программу входило чтение стихов Галиба с опытными

¹ Об истории публикации дивана см.: [Пригарина, Васильева, 2021b].

² В 1924 г. впервые был опубликован перевод шести газелей Галиба, сделанный М. Клягиной-Кондратьевой [Восточные сборники..., 1924. С. 131–139]. Об истории изучения творчества Мирзы Галиба в СССР см.: [Алиев, 1972].

преподавателями. Некоторые материалы для предисловия к этому сборнику предоставила Н. И. Пригарина.

Фактически подготовка к юбилею поэта в Институте востоковедения АН СССР началась задолго до 1969 г. В начале 1960-х гг. Б. Г. Гафуров отправил на стажировку в Индию двух молодых таджикских ученых, аспирантов Шарафуннисо Пулатову и Абдуллоджона Гафарова. Темой Ш. Пулатовой было эпистолярное наследие Галиба на урду. В 1962 г. она написала диссертацию «Значение писем Мирзы Асадулахана Галиба в развитии прозы урду» [Пулатова, 1962а], защитила ее в 1963 г. и впоследствии издала письма Галиба в переводе на таджикский язык [Пулатова, 1966].

Абдуллоджон Гафаров собрал огромное количество источников, относящихся к творчеству Галиба [Гафаров, 1972, с. 253–261], издал монографию на таджикском языке «Жизнь и творчество Мирзы Асадуллы Галиба» [Гафоров, 1965] и сборник его персоязычных газелей, рубаи и кыта («отрывков») в современной таджикской графике [Гафаров 1967].

Нужно признаться, что для таджикских исследователей поэзия Галиба в какой-то мере была своей, несмотря на чрезвычайную сложность стиля его персидской поэзии, но и в том, что касалось обращения к прозе и исследованиям на урду (помогало погружение в язык на стажировке плюс основательная близость литературы урду к традициям персидской литературы). Однако для сотрудников Отдела литературы ИВ АН — Николая Глебова, Газанфара Алиева и одного из авторов этой статьи, с энтузиазмом взявшимся за подготовку к юбилею Галиба, все было не так просто. Что урду, что персидская поэзия Галиба оказались твердым орешком!

Николай Владимирович Глебов (1928–2003) до этого работал в Пакистане и вернулся оттуда уже «заболевшим» поэзией урду. Его целью стало перевести «Диван Галиба». Газанфар Алиев (1930–1984) много работал в области классической литературы, начиная с Низами, а в поэзии Галиба ему пришлось столкнуться со сложностями «индийского стиля» XIX в. в персоязычной литературе Индии. У третьего участника этой команды вообще было намного меньше опыта и знаний, чем у старших товарищей.

Помогло появление в стенах Института востоковедения индийского литературоведа, писателя, ученого, переводчика Зоэ Ансари (1925–1991). Зоэ Ансари был истинным знатоком урду и персидской литературы, прекрасно владел русским языком³, что позволяло ему находить понятные объяснения к запутанным и головоломным образам Галиба. Зоэ Ансари тогда же представил и защитил диссертацию, посвященную Галибу.

Непосредственная подготовка к юбилею состояла из формирования, перевода и редактирования материалов сборника «Мирза Галиб — великий поэт Востока», а также перевода стихов Галиба с языков урду и персидского. Стихи были отобраны для публикации Зоэ Ансари, возглавившим работу по переводу.

Придется сразу сказать, что ни первый, ни второй проекты вовремя к юбилею не успели. Сборник вышел в 1972 г., перевод «Мирза Галиб.

³ См. о нем: Электронный ресурс: URL: <https://www.rekhta.org/authors/zoe-ansari/profile> (дата обращения: 26 июля 2024 г.).

Избранное» — через 11 лет после юбилея, в 1980 г. [Галиб, 1980]. В сборник вошло 20 статей иностранных авторов, в переводе которых участвовали сотрудники отдела литературы; остальные статьи принадлежали ученым из зарубежных стран. В сборнике выступили с публикациями и участники проекта переводов — Г. Алиев (2 статьи), Н. Глебов и Н. Пригарина. Хотя сборник был подготовлен в срок, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» эту работу не приняла, счтя ее абсолютно «сырой» и не готовой к публикации. А решения издательства не обсуждались. Пришлось всерьез редактировать сборник с тем, чтобы удовлетворить требования издательства. Вся эта издательская работа заняла почти два года. Сборник вышел в 1972 году тиражом 3500 экз. и объемом 15 а. л. и занял вполне заслуженное место в научной продукции Отдела литературы [Мирза Галиб..., 1972].

Поиски жанра перевода

История тома «Мирза Галиб. Избранное» заслуживает отдельного рассказа, он оказался многострадальным и, будучи подготовлен к печати в 1969 г., вышел в свет только в 1980 [Галиб, 1980]. Он был снабжен оригинальными текстами и задуман как нарядное подарочное издание в суперобложке и на плотной белой бумаге. К 1980 г. от этого художественного замысла ничего не осталось, ни о суперобложках, ни о белой бумаге из-за постоянной экономии уже мечтать не приходилось, но книга тем не менее вышла тиражом 800 экземпляров и разошлась буквально в несколько дней. Это был прозаический перевод, но задуманный и осуществленный как художественный и не потерявший ценности до наших дней. Однако в нем филологическая точность уступала стремлению воссоздать образность и отразить внутренний ритм текста, так, чтобы его было можно читать вслух.

Существенной особенностью этого издания был избранный составителем 3. Ансари метод отбора текстов из наследия Галиба.

Еще Ф. Притчет в статье «Наугад нанизанные восточные перлы» отметила, что на Субконтиненте, как правило, больше знают поэта по отдельным бейтам или ше'рам (т. е. по одному стиху), нежели по стихотворению, так сказать, от начала до конца⁴.

Зоэ Ансари отбирал для перевода выигрышные, по его мнению, отрывки из больших стихотворных форм, поэм (*маснави*) или длинных стихотворений, также и многие газели давались в переводе в сокращенном виде — предпочтение отдавалось наиболее популярным цитатам. Это меньше касалось газелей на урду, но и там был предпринят определенный отбор. Внимание переводчиков было сосредоточено на внятности смысла и возможно более точной передаче образности. И в этом наиболее естественном для русской традиции подходе многие особенности оригинала неизбежно утрачивались, не находя своего отражения. Более того, если бы переводчик пытался сохранить особенности стилистики Галиба в выражении поэтических идей, надежда найти путь к сердцу читателя была бы полностью поте-

⁴ Об этом более подробно см.: [Пригарина 1999, с. 232–233].

ряна. К редактированию была привлечена в качестве внештатного редактора Э. В. Зилинг, переводчица с немецкого языка, чье участие — при несомненной пользе — все же способствовало крену в сторону русской переводческой традиции⁵.

В заключение этого краткого обзора скажем, что авторы настоящей статьи в течение долгих лет испробовали все возможные варианты перевода Галиба, начиная от подстрочников, прозаического и даже поэтического переводов (см.: [Пригарина 2015, с. 448–459]), и сейчас предъявляют вниманию читателей попытку филологического перевода газелей Галиба.

На подступах к филологическому переводу⁶

Филологический перевод, попытка которого предпринята авторами статьи, основной упор делает на комментарий. Поэтому стремление вложить в сам перевод поэтические достоинства, которые совершенно ясны читателю оригинала, а это, в первую очередь, ритмическая организация газели (*бахр и вазн*), рифма и радиф, эвфоническая сторона газели и, наконец, то, что можно в целом определить как игру слов, и что на самом деле является истинным языком поэзии — тропы, фигуры речи, подбор лексики — все это в филологическом переводе звучит не в оригинале, так сказать, «на языке родных осин», что, конечно, ведет к вынужденным потерям. В комментарии мы старались по возможности указать на эти особенности поэтики газели.

Другими словами, филологический перевод рассчитывает не на непосредственное восприятие поэтичности стихов, а, скорее, на доказательство этой поэтичности. В определенной мере мы старались передать и образность, но на первом месте был лексический состав, хотя и тут не всегда удавалось сохранить исходную словоформу. В нашу задачу входило также воссоздание логической и грамматической связи между словами.

Отметим некоторые важные стороны нашего подхода к комментированию.

Каждому переводу предпослан оригинальный текст в транслитерации, минуя текст в оригинальном начертании, от публикации которого мы отказались из экономии места. Транслитерация выполнена в принятом для языка урду современном формате, она позволяет в наибольшей степени отразить грамматическую, фонетическую и лексическую структуру оригинала.

В этой статье для перевода мы обратились к первым восьми газелям «Дивана Галиба». Нами избран путь сплошного комментирования, т. е. отказ при переводе от принципа выборки или перестановки газелей. Основой для

⁵ Позже она вступила в конфликт с редакцией и сняла свое имя с выходных данных книги.

⁶ «Филологический перевод представляет собой перевод известного художественного произведения или религиозного текста с тщательным подбором языковых средств, соответствующих особенностям исходного текста» [Joseph, 2012]. Цель филологического перевода состоит в том, чтобы максимально «приблизить читателя к автору» [Schleiermacher, 1838].

работы избран Диван в издании Имтийаза Али Арши [‘Arshi, 1958]⁷. Разбору и комментированию Первой газели «Дивана Галиба» посвящены две наших статьи: одна — первому ше’ру⁸ газели [Пригарина, Васильева, 2021а, с. 722–734], вторая — газели в целом [Пригарина, Васильева, 2021б, с. 1323–1351]. Поэтому в данной статье комментарий к Газели 1 дан в редуцированном виде с отсылкой на указанные публикации. Газели 1–8 включают фард — стихотворение, состоящее из одного ше’ра, в «Диване» ‘Арши он идет сразу за первой газелью. Мы сочли уместным его публикацию наряду с газелями.

В своих комментариях мы использовали также имеющиеся традиционные *шархи* («комментарии»), выбрав из их большого числа наиболее авторитетные.

В процессе работы мы еще раз убедились в сложности и порой головоломности поэтических построений Галиба. В силу этой специфики стиля Галиба нам иногда приходилось ограничиваться констатацией: раскрывать «смысл ше’ра», т. е. давать простое объяснение ше’ра как законченного высказывания, позволяющее обобщить его художественный, образный замысел. В традиционных комментариях этот прием используется довольно часто.

В остальных случаях мы проводим скрупулезный разбор лексики и фразеологии, так сказать, инвентаря ше’ра, а также внутренних связей лексики и смысла.

В стремлении продемонстрировать объективность результатов нашего опыта мы используем систему отсылок к другим текстам Галиба и учтываем в целом интертекстуальный контекст литературы урду. К сожалению, в Интернете нет современного электронного ресурса, который позволил бы находить интертекстуальные связи даже в составе одного «Дивана Галиба»: до сих пор отсутствуют ресурсы поиска по тексту «Дивана Галиба», не говоря уж о поиске у других авторов. Чаще всего в нашем комментарии приводятся ше’ры Мира Таки Мира. Газельное наследие Мира составляет 6 огромных томов, что очень усложняет поиски интертекстов. Новый свет на газель Мира проливает недавнее исследование Л. Васильевой [Васильева, 2023], которое также расширяет горизонт интертекстуальных связей Галиба и Мира.

В задачи систематического изучения интертекстуальных связей входят, как нам представляется, 1) сравнение контекстов внутри «Дивана Галиба»; 2) целенаправленное сопоставление мотивов персидского и урду наследия Галиба и его связей с персидской литературой, в частности с поэзией Бедиля (1644–1721), Галиб неоднократно высказывался о том, что испытывал его влияние (см.: [Баузани, 1972]); 3) учет интертекстуальных взаимодействий с предшественниками или современниками поэта, с которыми полемизировал или отвечал на их стихотворения Галиб.

⁷ Обоснование этого выбора см.: [Пригарина, Васильева. 2021б, с. 1327–1328].

⁸ Мы используем термин *she’r*, букв. «стих», законченное поэтическое высказывание в поэзии урду состоящее из двух *мисра*’, полустиший, обычно или обозначененных пробелом, или помещенных одно над другим. В зачине газели (*матла*) обычно рифмуются первые два полустишия, а затем только ше’ры газели. Последний ше’р (*мактат*) является обычно подписным, включая поэтический псевдоним (*такхаллус*) — Асад или Галиб. Считается, что псевдонимом Асад подписаны более ранние газели.

Возвращаясь к Газели 1, подчеркнем лишь, что почти каждая газель могла бы стать предметом отдельной статьи, поэтому мы отдаем себе отчет в том, что представляем сейчас только первые попытки филологического перевода и комментария газелей Галиба.

Газель 1

*naqsh faryādī hei kis kī shokhī-e taḥrīr kā
kāghāzī hei peirahan har peikar-e taṣvīr kā
kāv-kāv-e saḥkht-jānīhā-e tanhā’ī napūchh
ṣubḥ karnā shām kā lānā hei jū-e shīr kā
jażba-e beikhtiyār-e shouq dekhā chāhiye
sīnā-e shamshīr se bāhar hei dam shamshīr kā
āgahī dām-e shunīdan jis qadar chāhe bichhā’e
mudda’ā ‘anqā hei apne ‘ālam-e taqrīr kā
bas ki hūñ Ĝhālib asīrī meñ bhī ātish zer-e pā
mū-e ātish-dīda hei ḥalqa mirī zanjīr kā*

1. На озорство чьего письма предстает жалобщиком рисунок?
Бумажное одеяние у каждого изображения на картине.
2. О жестокостях самокопаний одиночества и не спрашивай!
Превратить ночь в утро — это провести молочную реку.
3. Надо видеть невольное притяжение страсти:
Из груди меча вырывается его лезвие.
4. Как бы ни расставлял разум силки слуха,
Цель мира моих речей — Анка!
5. Галиб! Даже в неволе у меня огонь под ногами,
Звенья моих цепей — кольца опаленных волосков.

Комментарий

Подробный разбор газели см.: [Пригарина, Васильева. 2021b, с. 1323–1351]. Ее зачин — один из самых сложных ше’ров «Дивана» Галиба, о нем и истоках его образности см. также: [Пригарина, Васильева, 2021a, с. 722–734].

1. Серьезность замыслов Творца ставил под сомнение и Мир Таки Мир (1724–1810): «Будь кто-то знаком с Твоим озорством, то я у него спросил бы, // Чем Ты счел пир радостей мира, разрушив его?» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1;411:2].
2. «Превратить ночь в утро» — *ṣubḥ karnā shām kā*, т. е. сделать черное белым — идиома: «с трудом скоротать ночь». «Провести молочную реку» — *jū-e shīr lānā*, намек на историю Фархада из поэмы Низами «Хусрав и Ширин». Фархад — каменотес, влюблен в красавицу Ширин, возлюбленную царя Хусрава, ради любви к ней Фархад взялся прорубить русло в горе, по которому молоко с горных пастбищ поступало бы прямо

в ее дворец. «Самокопания — Фархад — молочная река» создают пример фигуры словесного соответствия (*риайзат-е лафзи*).

3. По мнению Бехуда, в состоянии страсти влюбленный видит все в искаженном свете. Так, «лезвие меча естественным образом обращено наружу, но пылкому любовнику в рвении к мученичеству мерещится, что лезвие само невольно вырвалось из груди меча, либо из-за горячего желания убить его, либо из-за сочувствия к его стремлению к гибели» [Bekhud, 1934, р. 4].
4. 'Анка — мифическая птица, которую отождествляют с Фениксом, обитавшим, как считали античные авторы, в аравийской пустыне. Галиб, говоря о птице 'Анка, имеет в виду трудность поиска нужного слова, в котором заключен искомый смысл. Многие современники считали, что смысл стихов Галиба «подобен мифической птице 'Анка, которую невозможно заманить ни в какую сеть» [Nazm, 1900, с. 2]. О птице Анка см. также (25:3; 180:1).
5. «Огонь под ногами» — *ātish zer-e rā*, метафора страстного волнения. Впавшего в любовное безумие заковали в цепи, таким был единственный вид лечения от этого недуга, но и тогда его не покинул огонь душевных мук любви. Поэтому звенья цепи на его ногах уподобились опаленным волоскам, и «цепь, которая была призвана укротить безумие любовной страсти, лишилась своей силы» [Baqir, 1940, с. 24].

Фард 2

*jarāḥat toḥfa almās armuğhāñ dāğh-e jigar hadiya
mubārakbād asad ġhamkhwār-e jān-e dard-mand āyā*

Раны — подарок; алмаз — подношение, сердечный ожог — гостинец
Поздравляю, Асад, — пришел утешитель опечаленной души!

Комментарий

«Алмаз» — *almās*, по старинным представлениям, «если кто-нибудь проглотит алмаз, то нанесет раны сердцу и печени; если к ране приложить алмазный порошок, то возникнет нестерпимая боль» [Baqir, 1940, р. 44]. «Утешитель» — *ġhamkhwār*; возлюбленная или советчик, поэтому поздравление с ее или его приходом, обращенное к Асаду, т. е. к лирическому персонажу фарда и одновременно автору, звучит иронически.

Смысль фарда: желая облегчить муки любви, утешитель принес такие подарки, от которых любовные страдания становятся еще сильнее, впрочем, влюбленный ничего другого не ожидал.

Газель 3

*shumār-e subḥa marğhb-e but-e mushkil-pasand āyā
tamāshā-e ba yak kaf burdan-e şad dil pasand āyā
ba faiz-e be-dilī naumīdī-e jāved āsāñ hai
kushāyish ko hamārā 'uqda-e mushkil pasand āyā*

*havā-e sair-e gul ā̄īna-e be-mihrī-e qā̄til ki
andāz-e ba khūñ-ghaltīdan-e bismil pasand āyā.*

1. Перебирать четки — любимое занятие требовательного кумира,
Ему нравится зрелище сотни сердец, зажатых в одной ладони.
2. По милости уныния постоянная безнадежность — легка,
Развязыванию пришелся по душе мой сложный узел.
3. Страсть гулять среди роз — зеркало безжалостности палача,
Которому нравится вид жертв, катающихся в крови.

Комментарий

1. «Четки» — *subḥa*, мусульманские четки с 99 зернами (по числу «имен Аллаха»).
Смысл ше'ра: кумир — возлюбленная — любит чувствовать свою власть над влюбленными, а зерна четок — метафора сотни покоренных сердец [Nazm, 1900, p. 8].
2. «Развязывание» — *kushāyish*, обычно имеется в виду развязывание узлов, иносказательно — умение справляться с трудностями. Для поэтики Галиба характерна персонификация абстрактных понятий: «Развязывание» в этом ше'ре является деятелем.
Смысл ше'ра: я настолько привык к своему вечному унынию, что переносить неудачи стало легко. «Развязыванию» приглянулся узел моих трудностей: ведь удовольствие от развязывания может длиться без конца. «Человек привыкает к страданию, и страдание исчезает // На меня свалилось столько трудностей, что они стали легкими» (114:15)⁹.
3. «Палач» — *qā̄til*, также возлюбленная. «Жертва» — *bismil*, также «агония, предсмертные конвульсии». «Она захотела посмотреть на своих раненых и вернуться, // Встала, якобы полюбоваться на розы» (133:4). Смысл ше'ра: красные розы напоминают сердца, обливающиеся кровью любовных страданий, которые возлюбленная причиняет своей жестокостью.

Газель 4

*juz qais aur koī na āyā ba rū-e kār
sāhṛā magar ba tangī-e hashm-e ḥasūd thā
āshuftagī ne naqsh-e suvaidā kiyā durust
zāhir huā ki dāgh kā sarmāya dūd thā
thā khvāb meñ khayāl ko tujh se muāmila
jab āñkh khul gaī na ziyāñ thā na sūd thā
letā hūñ māktab-e ġham-e dil meñ sabaq
hanūz lekin yiḥī ki raft gayā aur būd thā*

⁹ В круглых скобках, если не указано имя, дается отсылка к газелям Галиба, первое — номер газели по 'Арши, после двоеточия номер байта.

*dhāñpā kafan ne dāgh-e 'uyub-e barahnagī
meñ varna har libās meñ nang-e vujūd thā*

*teshe bağheir mar na sakā kohkan asad
sargashta-e ķumār-e rusūm-o-quyūd thā*

1. Кроме Кайса, никто другой не решился на поступок;
Видно степь была тесна, как [сощуренный] глаз завистника.
2. Беспокойство привело в порядок черный след,
Стало очевидно, что богатством ожога был дым.
3. Во сне воображение совершило с тобой сделку,
Когда глаза открылись, не было ни убытка, ни прибыли.
4. До сих пор беру уроки в школе сердечного страдания,
Но только эти: *рафт* — «ушло» и *буд* — «было».
5. Саван скрыл клеймо греховной наготы,
Не то в любом одеянии я был позором бытия.
6. Без тесла Кохкан не смог умереть, Асад.
Его сбило с толку похмельем обычаев и правил.

Комментарий

1. Герой доисламской легенды Кайс — арабский поэт Кайс ал-Мулаввих, был безумно влюблен в девушку по имени Лайли и прозван за эту любовь Маджнуном (Одержимый джиннами). Разлученный с Лайли, Кайс теряет рассудок и убегает в пустыню. Эта легенда породила множество художественных произведений, самым знаменитым из них стала поэма XII в. на персидском языке «Лайли и Маджнун» великого Низами (русский перевод см.: [Низами, 2008]). Кайс (Маджнун) в поэзии на урду, персидском и тюркских языках — образ идеального влюбленного. См. контексты мотивов Кайса (6:1; 90:2; 149:4; 224:2) и Маджнуна (12:3; 20:2; 26:10; 137:6; 159:5; 163:2; 168:2; 190:3; 229:10) в газели Галиба.
«Теснота, стиснутость» — *tangī*, метафора экзистенциальной тесноты, сердца, стиснутого болью. «Глаз завистника» — *chashm-e hasūd*, — узкий, недовольно сощуренный глаз.
Смысл ше'ра: поступок Кайса, порвавшего все социальные связи и посвятившего себя любви, далеко не каждому любящему под силу, каким бы ни был повод для отказа от подобного поступка, например, недостаточно просторная степь (см. также ше'р 6).
2. «Беспокойство» — *āshuftagī*, здесь персонифицированный субъект действия. «Привело в порядок» — *kīyā durust*, т. е. убрало; «черный след» — *naqsh-e suvaidā*, букв. «рисунок черноты», черная корка, поверхность подживающего ожога; «дым» — *dūd*, также «сажа, чернота», иносказательно — «страдание».
Смысл ше'ра: Беспокойство убрало «черноту» с ожога, и тогда стала видна дымящаяся рана — свидетельство истинного страдания

3. Для классической поэзии урду характерно использование торговой символики: слова «сделка» — *tiāmīla*, «убыток» — *zīyāñ*, «прибыль» — *sūd* принадлежат лексике восточного базара.
4. «Ушел / ушла» — *raft*, и «был / была» — *буд*, персидские глаголы. Смысл ше'ра: в школе учат персидский язык, на котором изложена повесть о Лайли и Кайсе, но лирический персонаж запомнил только два глагола, символизирующие любовную ситуацию («была» — «ушла»).
5. «Клеймо греховной наготы» — *dāgh-e 'shyb-e barahnagī*, аллюзия на наготу Маджнуна, который уйдя в степь, сбросил с себя одежду. См. также другие контексты Галибас наготой — *'urīyānī* (62:1; 114:3; 156:1; 192:1) неприкрытым *behījābī* (161:4; 199:3).
Нагота как признак безумия, греховная нагота, наконец, нагота как философия благочестия — тема, присутствующая у многих индийских поэтов. В основе их поэтических спекуляций лежит кораническая тема прикрытия первородной наготы: «Сыны Адама! Мы вам доставляем одежду для прикрытия наготы вашей и красивые наряды; но одежда благочестия — она самый лучший наряд» [Коран, 1907, 7:25]. Одним из ранних поэтов, обратившихся к этой теме, был Сирадж (1714–1763): «Повелитель отрешенности теперь одарил меня платьем наготы (*libās-e barahnagī*), // Не осталось ни сшивания рассудка, ни тайны безумия» (цит. по [Васильева, 2015, с. 258]). Великий предшественник Галиба Мир Таки Мир (1724–1810) также отразил тему наготы: «В нынешнем безумии мне жаль свое сердце, но — увы! // Справился о нем (о сердце), когда от платья не осталось уж ни нитки!» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1, 64:2]. Или его же: «Буду бродить, Мир, нагим, не будет печали о подоле, // Не останется тоски по вороту» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1, 318:7]. Возможно, в ше'ре Галиба содержится также аллюзия на историю делийского поэта и суфия XVII в. Сармада, считавшего, что нагота и есть одежда благочестия (см.: [Пригарина, 2015, с. 514–516]).
6. Кохкан, также Фархад (см. комментарий к газели 1:2); во время работы в горах Кохкан получает ложную весть о смерти Ширина. В отчаянии он ударяет себя теслом, которым рубил ложе горы, и умирает. В лирической поэзии смерть Фархада истолковывается как признак неистинной любви. Согласно канону, истинно влюбленный должен умереть от любви, как Маджнун (ср. ше'р 1). Однако Кохкан (Фархад) проявил несовершенство в любви, покончив с собой.

Газель 5

*kahte ho na deñge ham dil agar parā pāyā
dil kahāñ ki gum kīje ham ne muddā'ā pāyā

'ishq se ṭabī'at ne zīst kā mazā pāyā
dard kī davā pāī dard-e be-davā pāyā

dostdār-e dushman hai e'timād-e dil ma'lūm
āh be-aśar dekhī nāla nā-rasā pāyā*

*sādagī-o-purkārī be-khudī-o-hoshyārī
ḥusn ko taḡhāful meñ jur'at-āzmā pāyā
ḡhuncha phir lagā khilne āj ham ne apnā
dil ḵūñ kiyā hu'ā dekhā gum kiyā hu'ā pāyā
ḥāl-e dil nahīñ ma'lūm lekin is qadar ya'ñī
ham ne bārhā ḥūñdhā tum ne bārhā pāyā
shor-e pand-e nāṣīḥ ne zaḳhm par namak chhīrķā
āp se koī pūchhe tum ne kyā mazā pāyā*

1. Говоришь: «Не верну, если найду потерянное сердце». Где же сердце, чтобы потерять? Но я узнал о твоем намерении!
2. Благодаря любви природа познала вкус жизни, Обрела лекарство от боли, обрела неизлечимую боль.
3. [Оно] — союзник врага: довериться сердцу — известное дело! Видел я безрезультатные вздохи, познал тщетные слезы.
4. Наивность и хитрость, отрешенность и осведомленность, В притворном равнодушии Красоты я увидел испытание мужества.
5. Бутон вновь начал расpusкаться. Сегодня я свое сердце Увидел окровавленным, нашел потерянным.
6. Не знаю, что творится с моим сердцем, знаю лишь, Что я его много раз терял, а ты много раз находила.
7. Горечь поучений советчика посыпала соль на рану, Пусть кто-нибудь спросит его: «Ну как, тебе по вкусу пришлось?»

Комментарий

1. В газели четыре ше'ра посвящены сердцу (1, 3, 5, 6), три из них — его потере. Сердце влюбленного уже не принадлежит ему, оно сбегает к возлюбленной, для любящего его можно считать потерянным. В ше'ре 1 некто готов завладеть сердцем поэта, т. е. принять любовь лирического персонажа, однако оно уже потеряно, так как лирический персонаж влюблен в кого-то другого. В ше'ре 3 выясняется, что верить своему сердцу нельзя, оно уже с возлюбленной и враждует с бывшим хозяином. В ше'ре 5 потерянное сердце нашлось, оно в тяжелом состоянии — всё в ранах любви. Наконец, в ше'ре 6 становится ясным, что происходит с влюбленным хозяином сердца и куда оно постоянно исчезает.
2. «Природа» — *ṭabī'at*, многозначное понятие, включающее все, относящееся к сотворенному, в частности и к природе человека (его нрав, характер). «Вкус жизни» — *zīst kā mazā*, в ше'ре речь идет о природе человека, о его характере, о его восприятии жизни, поясняется, каков же вкус жизни: в ней возможно «исцеление лекарством» (*dard kī davā*), но по сути своей боль эта «неисцелима» (*dard-e be-davā*), ведь она и есть любовь (*'ishq*), которая дарит вкус к жизни

3. «Враг» — *dushman*, возлюбленная. Смысл ше'ра: сердцу, отдавшемуся врагу, доверять нельзя, свидетельство тому — многообразные и многочисленные страдания влюбленных.
4. «Безразличие» — *taǵħāful*, желание «притвориться незнающим». В силу сложившейся традиции толкования «трудностей стиля» Галиба первое полустишие предлагается трактовать как имеющее множество вариантов прочтения — ни одно из четырех качеств не приписывается конкретно ни влюбленному, ни возлюбленной. «Возможные перестановки <...> делают этот ше'р одним из самых богатых “генераторов значений” во всем диване» [Faruqi, 2006, p. 36]. Смысл ше'ра: Красота подчеркнуто равнодушна ко всем перечисленным проявлениям поведения влюбленных, ни одно из них не в состоянии привлечь внимание равнодушной Красоты; но это нужно пережить как еще одно испытание любви, проверку чувств на истинность.
5. «Бутон» — *ǵhunchā*, бутон розы имеет форму сердца, расцветая, становясь алоей розой, он вызывает ассоциации с окровавленным сердцем. «Нашел (сердце) потерянным» — *gum kiyā huā rāyā*, оксюморон. Смысл ше'ра: лирический персонаж сравнивает распускающуюся розу со своим страдающим сердцем, но при этом обнаруживает, что сердца давно с ним нет, оно ушло к возлюбленной.
6. Продолжена тема предыдущего ше'ра «потеря сердца». Здесь герой влюбляется много раз, но возлюбленная всегда оказывается одной и той же.
7. «Советчик» — *nāṣīḥ*; он, как правило, дает «благоразумные», но неисполнимые советы, чем только причиняет боль персонажу, находящемуся во власти любовного безумия. Смысл ше'ра: любовь не нуждается в советах, и влюбленный спрашивает с сарказмом: «Понравилось ли тебе, что ты делаешь мне больно?» Сердце влюбленного живет страданиями любви, и «соль на рану» может «прийтись по вкусу» лишь ему.

Газель 6

*shauq har rang raqīb-e sar-o-sāmāñ niklā
qais taṣvīr ke parde meñ bhī 'uryāñ niklā
załkham ne dād na dī tangī-e dil kī yā rab
tīr bhī sīna-e bismil se par-afshāñ niklā

bū-e gul nāla-e dil dūd-e chirāgh-e maḥfil
jo tīrī bazm se niklā so pareshāñ niklā

dil-e ḥasrat-zada thā mā'ida-e lażżat-e dard
kām yāroñ kā ba qadr-e lab-o-dandāñ niklā

thī nauāmoz-e fanā himmat-e dushvār-pasand
saķht mushkil hei ki ye kām bhī āsāñ niklā

dil meñ phir girye ne ik shor uthāyā ġħālib
āh jo qaṭra na niklā thā so tūfāñ niklā*

1. Любовь всегда оказывалась врагом любого имущества.
Кайс даже под покровом картины оказался нагим.
2. Рана не воздала должное тесноте сердца. О, Господи!
Стрела тоже, трепыхаясь, вылетела из раненой груди.
3. Аромат розы, стон сердца, дымок светильника собрания —
Все, кто покидал твоё пиршество — покинули взволнованными.
4. Горюющее сердце было накрытым столом для наслаждения болью,
Друзья смогли довольствоваться всем в меру своих аппетитов.
5. Мужество, любящее трудности, было новичком в гибели.
Единственная беда в том, что эта задача оказалась легкой.
6. Снова рыдания подняли в сердце смуту, Галиб!
Увы! Капля, которая не вылилась [из глаза], оказалась бурей!

Комментарий

1. «Имущество» — *sar-o-sāmāñ*, символ мирского благополучия; однако истинная любовь отвергает все мирское. Кайс (см. коммент. к газели 4:1) отказался от «имущества», скинув с себя одежду и скитаясь по пустыне обнаженным. «Покров картины» — *taṣvīr ke pardā*, также ткань, на которой изображен Кайс; даже находясь внутри изображения, под его покровом — *taṣvīr ke parda meñ* — он все равно остается нагим. Ср., у Вали (1667–1707): «У Вали нет желания богатства (*māl*), // Друг Бога не смотрит в сторону золота» [Vali, 2005, p. 235–236].
 2. «Теснота» — *tangī*, [см. коммент. к газели 4:1]; сердце лирического персонажа настолько стиснуто из-за любовных муки, что для пущенной в сердце стрелы, уже не осталось места, и она вынуждена вылететь назад. «Раненая грудь», — *sīna-e bismil*, также бьющаяся в конвульсиях (см. контекст 3:3), повторяет трепет стрелы, теряющей оперенье. Смысл ше'ра: стрела, должна была увеличить рану и таким образом справиться с «теснотой», однако ей это не удалось, и она вылетела обратно; (см. об этом в письме Галиба к Шакиру: [Khaliq Anjum, p. 837–838]).
 - 3–4. «Взволнованный» — *pāreshāñ*, букв. «рассевявшись в пространстве», также, «расстроенный, растрепанный».
- Ше'ры 3 и 4 построены на мотиве пиршества. В ше'ре 3 гости уходят взволнованными; никому не хочется покидать прекрасное пиршество бытия. Однако в ше'ре 4 речь идет о другом пиршестве: угощение здесь — сердечные муки («наслаждения болью» — *lazzat-e dard*), оценить их могут или сострадающие, или те, кто сам причиняет эти страдания: *ba qadr-e lab-o-dandāñ*, — букв. «в меру возможностей губ и зубов». Это как бы суровая реальность страдающего сердца. Такое настроение ше'ра отлично от элегичности предыдущего. Еще более натуралистическая трактовка «гастрономической» темы характерна для Мира Таки Мира: «С одной стороны они (т. е. влюбленные) жарят сердце, с другой — копят печень, // Собрание пыльких — лавка продавца кебабов» [Kulliyat-e Mir, 1968, 3, 1180:2], или «Я живу

и плачу над кусочком печени, Мир! // Ты слышал, чтобы так кто-то готовил печеночный фарш?!» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1, 397:3].

5. «Мужество» — *himmat*, также «духовная сила, решимость на свершения»; здесь очередной случай персонификации абстрактного понятия (см. 3:2), и Мужество выступает как субъект действия. Смысл ше'ра: Мужество, привыкшее выходить победителем из трудных ситуаций, не рассчитывало на проигрыш. Но парадокс оказался в том, что, проиграв, оно убедилось, что расставание с жизнью для влюбленного скорее выигрыш, нежели проигрыш.

Газель 7

*dahr meñ naqsh-e vafā vajh-e tasallī na huā
hei ye vo lafz ki sharminda-e ma'nī na huā

sabza-e khat se tirā kākul-e sar-kash na dabā
ye zumurrud bhī ḥarīf-e dam-e afī na huā

meiñ ne chāhā thā ki andoh-e vafā se chhūtūñ
vo sitamgar mire marne pe bhī rāzī na huā

dil guzargāh-e ḥayāl-e mai-o-sāghar hī sahī
gar nafas jāda-e sar-manzil-e taqvī na huā

hūñ tire va'da na karne meñ bhī rāzī ki
kabhī gosh minnatkash-e gulbāñg-e tasallī na huā

kis se mahrūmī-e qismat kī shikāyat kīje
ham ne chāhā thā ki mar jā'eñ so vo bhī na huā

mar gayā şadma-e yak-junbish-e lab se ḡhālib
nā-tavānī se ḥarīf-e dam-e ḫsā na huā*

1. В мире начертание «верность» не стало поводом для утешения
Это такое слово, которое не устыдилось смысла.

2 Темный непослушный локон не покорился зелени пушки
Даже этот изумруд не справился с дыханием змеи.

3. Я хотел освободиться от печальной верности,
[Но] этот тиран даже на мою смерть не согласился.

4. Пусть сердце станет дорогой к помыслам о вине и чаше,
Если вздох не стал путем к благочестию.

5. Даже на то, что ты не даешь обещания, я согласен! Ведь никогда
[Мое] ухо не поддавалось соловьиным трелям утешения.

6. Кому пожаловаться на [свою] несчастную судьбу?
Я хотел умереть, но даже этого не случилось.

7. Умер от ущерба, раз шевельнув губами, Галиб,
Из-за немощи я не стал другом дыхания Исы.

Комментарий

1. Оппозиция «слово — значение / смысл», *lafz* — *ma'nī*, категориальная пара терминов арабской грамматики, поэтики, логики и философии. В ше'ре образ построен на несоответствии формы слова — «верность» и его противоположного содержания — «измена и неверность». Причем, скрытый упрек содержится в констатации того факта, что слово (*lafz*) не постыдилось изменить своей сущности (*ma'nī*). Ср. у Мира — «Откуда мне знать, что люди называют "усладой сердца"? // Этого-то слова вовсе нет в языке хинди!»¹⁰» [Kulliyat-e Mir, 1968, 4, 1265: 5].
2. «Непослушный локон» — *kākul-e sar-kash*, в суфийской традиции черный локон, олицетворяет мир иллюзий, соблазнов, т. е. земного бытия. Локон красавца сравнивается со змеей.
«*Afī*» — эфа, ядовитая змея, укус которой смертелен. Считается, что также смертельно само ее дыхание, существует поверье, что, если поднести к глазам змеи изумруд, она ослепнет.
«Зелень пушки» — *sabza-e khat*; пробивающийся пушок усов и молодой бородки в поэзии считается одним из феноменов красоты. Этот гомэротический мотив одновременно может быть признаком перехода андрогинно красивых, часто жестокосердых и кокетливых мальчиков к поре зрелости и потере миловидности (ср. у Са'ди в «Гулистане»: «Отрок сладкий и красивый // Злоязычен и упрям; // Станет мерзким, бородатым, // Ластится к тебе он сам» (пер. А. Старостина) [Саади, 2011, с. 221], или еще «...яблочко его подбородка покрылось пушком, подобным пушку айвы, и прошло оживление на базаре его красоты» (пер. Р. Алиева) [Саади, 2011, с. 219] (ср. также у А. С. Пушкина «Из Гафиза» «Но боюсь: среди сражений // Ты утратишь навсегда // Скромность робкую движений, // Прелесть неги и стыда»).
Пушок на щеке трактуется как молодая порось цвета изумруда; изумруд должен ослепить змею локона, однако этого не происходит — помыслы о божественной красоте не в состоянии побороть «змею» мирских соблазнов.
Галиб пренебрегает этими традиционными ходами и транспонирует мистическое толкование в «реалистическое» (это один из характерных приемов его поэтики). Бакир раскрывает этот ход поэта: «несмотря на то, что у тебя уже появилась молодая бородка, прелесть твоих локонов осталась прежней, твоя красота не померкла» [Baqir, 1940, р. 46], т. е. взросление не повредило твоей красоте.
3. «Печальная верность» — *andoh-e evaṣā*, букв. «печаль верности», «Тиран» — *sitamgar*, возлюбленная персона. «Освободиться» — *chhūṭīñ*, т. е. умереть.

¹⁰ Хинди — одно из старых названий языка урду.

Смысл ше'ра: поскольку верность в любви приносит одни страдания, смерть могла бы их облегчить, однако мучительница-влюбленная продлевает страдания, не дав влюбленному умереть. Вторая строка может быть прочитана и по-другому: «Этот тиран не удовлетворился даже моей смертью». В таком случае смысл ше'ра меняется: ради любви я был готов умереть, но для моего тирана и этого было мало.

4. «Вздох» — *nafas*, также дыхание; в суфизме считается, что идущий от души вздох способен сократить путь к познанию Бога. Однако в отсутствии подобного намерения герою остается вздохом сократить не столь праведный путь — дорогу к питью вина. В ше'ре полустишие, объясняющее причину поступка (довод), помещено после полустишия, сообщающего о его результате, частый прием поэтики Галиба — менять местами причину и следствие.
- 6–7. Если рассматривать подряд два этих ше'ра, становится очевидным, что они противоречат один другому. В 6-м ше'ре поэт страдает от того, что ему даже не удается умереть от любовных страданий, а в 7-м ше'ре выясняется, что попытка шевельнуть губами нанесла герою непоправимый ущерб и привела к смерти.

«Дыхание Иисы» — *dam-e ʻIsā*, животворное дыхание, пророка Иисуса Христоса) (см.: [Коран, 1986, 5:110]). Друг со своим дыханием, оживляющим мертвых — *ḥarif-e dam-e ʻIsā*, букв. «друг дыхания Иисы», мог бы вернуть к жизни лирического персонажа, если бы не его немощь (*nātavānī*), приведшая к смерти. См. также контексты (173:1; 220:1).

О том, что дыхание Иисы может быть во многих случаях бесполезным, см. например, Мир Дард (1720–1785): «В руках своей судьбы я — рана, // 0, дыхание Иисы! Я — масляная лампа!» (цит. по: [Faruqi, 2006, р. 4]); от любого дуновения масляная лампа разгорается с новой силой, также «дыхание Иисы» может лишь усугубить страдания от раны вместо того, чтобы их облегчить.

Одна из излюбленных черт поэтики Галиба, свойственная поздней поэзии «индийского стиля», гиперболизированное описание страданий любви и разнообразных трудностей на ее пути — дань *такаллуфу*, манье-ризму (см. подробнее: [Пригарина, 2015, с. 226–227]); в данном ше'ре слабость персонажа настолько неодолима, что ему достаточно шевельнуть губами, чтобы потерять остаток сил и умереть. В некоторых газелях Галиба мистический накал этих переживаний транспонируется, принимая куртуазный, жеманный характер.

Газель 8

*jab ba taqrīb-e safar yār ne maḥmil bāñdhā
tapish-e shauq ne har žarre pe ik dil bāñdhā
ahl-e bīnīsh ne ba heiratkada-e shokhī-e nāz
jauhar-e ā’īna ko tūtī-e bismil bāñdhā
yās-o-ummīd ne yak ‘arbada-meidāñ māñgā
‘ajz-e himmat ne ṭilism-e dil-e sāil bāñdhā*

*na bañdhe tishnagī-e shauq ke mañmūñ ġhālib
garche dil khol ke daryā ko bhī sāhil bāñdhā*

1. Когда, собираясь в путешествие, друг снарядил паланкин,
Волнение страсти наделило сердцем каждую песчинку.
2. Прозорливые в чертоге изумления прихотливостью [его] капризов
Связали сверкание зеркала с попугаем, бьющимся в конвульсиях.
3. Отчаяние и Надежда потребовали единого поля битвы,
Недостаток Решимости связал заклятием Сердце-попрошайку.
4. Не воплотилась в стихи тема «жажды страсти», Галиб,
Хотя я всеми силами связывал [рифмой] даже «море» с «берегом».

Комментарий

1. «Снарядил паланкин» — *mañmil bāñdhā*, согласно традиции, караван отправляется в путешествие по пустыне (обычно аллюзия на поэму «Лайли и Маджнун»; эпизод путешествия Лайли в паланкине). «Волнение страсти» — *tañish-e shauq*, волнение, вызванное любовью к другу (*yār*). «Песчинка» — *żarra*, букв. «мелчайшая частица, пылинка»; песчинка обретает сердце при вести о готовящемся путешествии. У Мира есть ше'р с той же темой: «То не зыбучий песок, то беспокойство сердца Маджнуна, // Привело в волнение каждую песчинку в пустыне» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1; 330:12] (см. также: [Kulliyat-e Mir, 1968, 1; 39:6]).
Смысл ше'ра: при вести о том, что друг собрался в путешествие, сердце каждой пылинки в пустыне забилось в страстном волнении от ожидания встречи.
2. «Прозорливые» — *ahl-e bīñish*; «связывать» — *bāñdhānā*, также «включать в стихотворную строку», поэтому можно предположить, что «прозорливые» — поэты. «Чертог изумления» — *heirat-kada*, этот мир; характерная для поэзии позднего индийского стиля концептуальная метафора мира, приводящего в изумление (*heirat*) как своими красотами, так и своими ужасами и невзгодами. «Сверкание зеркала» — *jauhar-e ā'īna*, в ше'ре говорится о металлическом зеркале. «Попугай, бьющийся в конвульсиях» — *tūtī-e bismil*. В основе образа практика обучения попугаев речи: перед попугаем ставят зеркало, чтобы он говорил со своим отражением. Смысл ше'ра: непредсказуемые «прихоти» многоцветного мира для трезвомыслящих людей лишь свидетельство его драматической сущности: блеск зеркала, вызывает мрачную ассоциацию с попугаем, бьющимся в агонии во всем блеске многоцветного оперения (о полировке зеркала, следах от полировки, блеске зеркала см. газ. 3: 3; 13:2; 22:4).
3. Смысл ше'ра: если бы сердцу хватило решимости и духовного мужества (о значениях *himmat* см. газель 6:5), то оно встало бы на сторону Отчаяния и Надежды, которые готовы были броситься в бой за любовь, но слабая Решимость наложила заклятие (*tilism*) на эту битву, и Сердце не стало бороться за любовь, а принялось лишь выпрашивать ее.

- Бехуд дает такой комментарий к смыслу ше'ра: «Задумывая стихотворение, поэт использовал сравнение с морем, со всей его массой воды, которая не способна утолить жажду сухого и ненасытно жаждущего берега, однако никакая гипербола не смогла должным образом передать жажду его страсти» (см.: [Bekhud, 1934, р. 59–60]). Поэт объясняет неудачу стихотворения тем, что попытался «связать слова — море и берег» — *daryā ko bḥī sāḥil bāndhā*, которые никак не рифмовались.

Список литературы / References

- Алиев Г. Ю. Изучение Галиба в СССР. *Мирза Галиб — Великий поэт Востока. Сборник статей*. М.: Наука; ГРВЛ, 1972. С. 262–270. [Aliyev G. Yu. *The study of Ghalib in the USSR. Mirza Ghalib, the Great Poet of the East. The Collection of articles. 1797–1869. Collection of articles*. Moscow: Nauka, 1972, pp. 262–270 (in Russian)].
- Баузани А. Бедиль и Галиб. *Мирза Галиб — Великий поэт Востока. Сборник статей*. М.: Наука; ГРВЛ, 1972. С. 183–191 [Bausani A. Bedil and Ghalib. *Mirza Ghalib, the Great Poet of the East. The Collection of articles*. Moscow: Nauka, 1972, pp. 183–191 (in Russian)].
- Васильева Л. А. *Становление газели урду. У истоков жанра*. М.: ИВ РАН. 2015 [Vasiliyeva L. A. *The formation of Urdu ghazal: the originals of the genre*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2015 (in Russian)].
- Васильева Л. А. *Причуды любви. Жизнь и поэзия Мира Таки Мира*. М.: ИВ РАН [Vasiliyeva L. A. *The Whims of Love. The life and poetry of Mir Taqi Mir*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2023 (in Russian)].
- Восточные сборники. *Литература и искусство*. Вып. 1. М.: Новая Москва, 1924 [*Eastern collections. Literature and art*. Issue 1. Moscow: Novaya Moskva, 1924 (in Russian)].
- Галиб М. А. *Избранное*. Сост. Зое Ансари. Пер. с перс. Г. Ю. Алиева, Н. И. Пригарина; пер. с урду Н. В. Глебова. Предисл. Н. И. Пригарина. Отв. ред. А. Е. Бертельс. М.: Наука; ГРВЛ, 1980 [*Mirza Ghalib. Selected works*. Comp. Zoe Ansari. Transl. from Persian by G. Y. Aliyev, N. I. Prigarina; transl. from Urdu by N. V. Glebov. Preface by N. I. Prigarina. Ed.-in-Chief A. E. Bertels. Moscow: Nauka; GRVL, 1980 (in Russian)].
- Галиб М. *Лирика*. Пер. с урду В. Потаповой. Сост. и comment. Л. Васильевой. Предисл. Б. Гафурова. М.: Художественная литература, 1969 [*Ghalib M. Lyrics*. Transl. from Urdu by N. Potapova; comp. and comment. by L. Vasilyeva; Preface by B. G. Gafurov. Moscow: Khudojestvennaya literatura, 1969 (in Russian)].
- Гафоров А. *Ҳаёт ва эҷодиёти Мирзо Асадулло Голиб*. Душанбе: Дониш, 1965 (на тадж. яз.) [*Ghaforov A. Life and Works of Mirzo Asadullo Gholib*. Dushanbe: Donish, 1965 (in Tajik)].
- Коран. Пер. и comment. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М.: Наука; ГРВЛ, 1986 [*The Koran*. Transl. and comment. by I. Yu. Krachkovsky. 2nd ed. Moscow: Nauka; GRVL, 1986 (in Russian)].

10. Коран. Пер. с араб. яз. Г. С. Саблукова. Казань, 1907 / 1990 (репринт). [*The Koran*. Transl. from Arabic by G. S. Sablukov. Kazan, 1907 / 1990 (reprint) (in Russian)].
11. Мирза Галиб — великий поэт Востока. Сборник статей. М.: Наука, 1972. [*Mirza Ghalib, the Great Poet of the East. The Collection of articles*. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].
12. Низами Ганджави. *Лайли и Маджнун*. Введ., пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой, М. А. Рusanova. М.: РГГУ, 2008 [*Nizami Ganjavi. Laili and Majnun*. Introd., transl. from Persian and comment. by N. Y. Chalisova, M. A. Rusanov. M.: RGGU, 2008 (in Russian)].
13. Пригарина Н. И. *Индийский стиль и его место в персидской литературе (вопросы поэтики)*. М.: Восточная литература 1999. [*Prigarina N. I. The Indian style and its Role in Persian literature (Poetics related problems)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian)].
14. Пригарина Н. И. *Мирза Галиб. Биографическая повесть*. М.: Летний сад, 2015 [*Prigarina N. I. Mirza Ghalib. A Biographical novel*. M.: Letniy sad, 2015 (in Russian)].
15. Пригарина Н. И., Васильева Л. А. Мотив бумажного одеяния у Галиба и его предшественников. *Ориенталистика*. 2021а. Т. 4. № 3. С. 722–734 [*Prigarina N. I., Vasilyeva L. A. The motif of paper clothing in Ghalib and his predecessors*. *Orientalistica*. 2021a;4(3):722–734 (in Russian)].
16. Пригарина Н. И., Васильева Л. А. Первая газель Дивана Галиба. *Ориенталистика*. 2021б. Т. 4. № 5. С. 1323–1351 [*Prigarina N. I., Vasilyeva L. A. The First Ghazal of Divan-e Ghalib*. *Orientalistica*. 2021b;4(5):1323–1351 (in Russian)].
17. Пулатова Ш. *Значение писем Мирзы Асадуллахана Галиба в развитии прозы урду*. Дисс. на соиск. ст. канд. филол. наук. М.: [б. и.], 1962а [*Pulatova Sh. The Importance of Mirza Asadulla Khan Galib's Letters in the Development of Urdu Prose*: Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow: [w. p.], 1962a (in Russian)].
18. Пулатова Ш. Некоторые вопросы эпистолярного стиля Мирзы Галиба. *Известия АН Тадж. ССР*. 1962б. № 2(29). С. 58–69 [*Pulatova Sh. Some questions of Mirza Ghalib's epistolary style*. *Izvestiya AN Taj. SSR* (News of the Academy of Sciences of the Tajik Soviet Socialist Republic). 1962b. No. 2(29), pp. 58–69 (in Russian)].
19. Пўлодова Ш. *Мактубҳои урдуи Мирзо Галиб* [Матн]. Душанбе: Дониш, 1966 [*Pulatova Sh. Urdu Letters of Mirza Ghalib. The Text*. Dushanbe: Donish, 1966 (in Tajik)].
20. Саади. *Гулистан*. Пер. Р. Алиев, поэт. пер. А. Старостин. М.: Вече, 2011 [*Saadi. Gulistan*. Transl. by R. Aliyev, poetic transl. by A. Starostin. Moscow: Veche, 2011 (in Russian)].
21. 'Arshi, Imtiyāz 'Ali. *Divan-e Ghalib*. New Delhi: Anjuman Taraqqi-e Urdu, 1958 (1st ed.) (in Urdu).
22. Baqir, Agha Muhammad. *Bayān-e ḡhālib: sharh-e dīvān-e ḡhālib*. Amritsar: Azad Book Depo, 1940 [*Baqir, Agha Muhammad. Story of Ghalib (Commentary on Ghalib's Urdu Divan)*. Amritsar: Azad Book Depo, 1940 (in Urdu)].

23. Bekhud, Sayyid Vahidud-Din Dihlavi. *Mirātul-ghālib* [A Mirror of Ghalib]. Calcutta: Usmaniyah Book Depot, 1934 (in Urdu).
24. Faruqi, Shamsur Rahman. *Tafhīm-e ḡālib*. New Delhi: Ghalib Institute, 2006 [Faruqi, Shamsur Rahman. *An Explanation of Ghalib*. New Delhi: Ghalib Institute, 2006 (in Urdu)].
25. Joseph F. Graham Linguistic Approach to Translation Theory, 2012. Электронный ресурс: URL: <https://iinaprilian.wordpress.com/2012/04/12/linguistic-approach-to-translation-theory-joseph-f-graham/>.
26. Khaliq Anjum (ed.) *Ghālib ke khutūt*. Vol. 2. New Delhi: Ghalib Institute, 1985 [Khaliq Anjum (ed.) *Letters of Ghalib*. Vol. 2. New Delhi: Ghalib Institute, 1985 (in Urdu)].
27. Kulliyat-e Mir. *Mukammal che divan, ghazaliyat. Murattib Zilla Abbas Abbasi. Jild 1. [Complete collection in six Divans, ghazals of Mir. Vol. 1. Comp. Zilla Abbas Abbasi*. Delhi: Ilmi Majlis, 1968 (in Urdu)].
28. Nazm, Ali Haidar Tabatabai Lakhnavi. *Sharḥ-e dīvān-e urdū-e ḡālib*. Hyderabad: Matba Mufid ul-Islam, 1900 [Nazm Ali Haidar Tabatabai Lakhnavi. *Commentary on Ghalib's Urdu Divan*. Hyderabad: Matba Mufid ul-Islam, 1900 (in Urdu)].
29. Schleiermacher F. Hermeneutik und Kritik. Berlin: Reimer, 1838. — Электронный ресурс: URL: https://deutschestextarchiv.de/book/show/schleiermacher_hermeneutik_1838.
30. Vali, Sayidulla Kalim. *Urdu ghazal ki tahzibi-o-fikri buniyaden*. Lahore: [w. p.], 2005, pp. 205–260 [Vali, Sayidulla Kalim. *Cultural and Philosophical Roots of the Urdu Ghazal*. Lahore: [w. p.], 2005, pp. 205–260 (in Urdu)].

Информация об авторах

Васильева Людмила Александровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы народов Азии, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>.

Пригарина Наталья Ильинична — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, член редколлегии журнала «Ориенталистика»; prigarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена рецензентами 13.05.2024; принята к публикации 14.05.2024; опубликована 30.09.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

PHILOLOGY OF THE EAST

Vasilyeva L. A., Prigarina N. I. "Snares of Reason" and the Meanings of Ghalib's Ghazal
Orientalistica. 2024;7(3):669–691

Information about the authors

Ludmila A. Vasilyeva — Ph. D. (Philol.), Leading Research Fellow at the Department of Asian peoples' Literature, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>.

Natalia I. Prigarina — Dr. habil. (Philol.), Professor, Principal Research Fellow at the Department of Oriental Historical Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Member of the Editorial Board of the *Orientalistica*, Moscow, Russia; prigarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>.

Authors' Contributions

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 14.05.2024; published 30.09.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.